

УДК 291.6
ББК 86.375
А 64

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-804-0121*

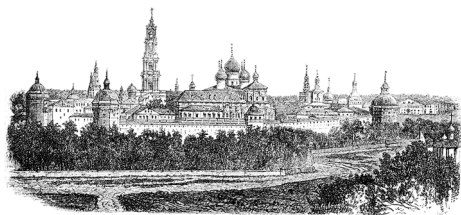
А 64 **Анатолия (Баршай), игумения**
Он от нас не ушел: Воспоминания о духовном отце —
приснопамятном архимандрите Науме (Байбородине)/
Игумения Анатолия (Баршай). — М.: Сибирская Благо-
звонница, 2019. — 327, [9] с.

ISBN 978-5-00127-057-7

Книга посвящена истории жизни и служения насель-
ника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Наума
(Байбородина), более полувека потрудившегося в самом
центре Русской Православной Церкви на монашеском и
пастырском поприще. Рассказ ведется от лица настоя-
тельницы Свято-Никольского монастыря Приволжска
игумении Анатолии (Баршай), которая долгие годы была
духовным чадом батюшки.

УДК 291.6
ББК 86.375

© Баршай Т. В., текст, 2018
© Сибирская Благовзвонница,
оформление, 2018

Предисловие

Дорогие братья и сестры!

Почтительнейше предлагаю вашему вниманию свои воспоминания о моем духовном отце — приснопамятном архимандрите Науме (Байбородине). Этот труд — самый малый дар, который могу принести в благодарность взрастившему, вскормившему и сформировавшему меня пастырю (06.12.1927–13.10.2017).

В годы моей молодости случилось быть на одной службе в Лавре, когда по расписанию была батюшкина проповедь. Почему-то при выходе старца из алтаря произошла какая-то довольно длительная задержка. Сердце замерло от страха — не случилось ли чего с батюшкой? Ведь проблемы со здоровьем у него были и тогда, просто он мужественно все переносил и никогда не жаловался. Страшно даже представить себе было, что батюшка когда-то от нас уйдет. Что же мы делать без него будем?

Но старец учил всех духовной самостоятельности. Он так и говорил, что поставил нас на рельсы, а мы должны дальше двигаться самостоятельно к вечной жизни с Христом. Казалось, что этого никогда не освоить, никогда не будет возможно оторваться от старца. Ведь что бы ни случилось, мы тут же мчались к своему духовному отцу, писали или звонили ему, знали, что будет ответ. Но чем старше мы становились, тем больше батюшка требовал осознания своего индивидуального предстояния перед Богом.

Как-то я, обращаясь с одним вопросом к старцу, воскликнула: «Я все-таки буду выпрашивать у вас это, батюшка!» Старец покачал головой: «Не так! У Бога будешь выпрашивать!»

Он радовался нашей сознательности, он хотел, чтобы мы были настоящими воинами Христовыми.

Следует обратить внимание: батюшка очень хотел видеть своих чад не разрозненными, но единокорпусными в спасительном делании. Ведь он поистине был всем нам и отцом, и матерью, а какая мать, какой отец не хочет видеть своих детей дружными, идущими по жизни путем праведным? И вот наступил момент, когда нет больше возможности писать и звонить, и приехать теперь можно только к могилке. И сколько бы лет каждому из нас сейчас ни было, на какой-то момент стало горько, печально, сиротливо.

Но Всепобеждающий Господь да не даст никому из нас печалиться! Ведь наш отец — военачальник духовного фронта, по словам схиархимандрита Илия (Ноздрина)¹. Нам ли скорбеть? Мы обрели молитвенника и ходатая на Небе, в Церкви Торжествующей, и это — наш отец! Он никого из нас не оставит сиротой. Целый сонм одних только архипастырей — своих духовных чад — оставил он сейчас в Церкви Воинствующей. И подслушала я недавно беседу двух епископов о батюшке, что он ведь здесь сейчас, с нами рядом, хоть незримо, но весьма ощутимо.

Братья и сестры! Верьте и знайте: если мы все вместе продолжаем дело, которому старец учил нас, если сами живем благочестиво и учим этому других, если стараемся всеми силами жить по воле Божией и во славу Божию и трудиться для спасения души своей и ближних, то наш дорогой батюшка будет радостно за нами наблюдать и во всем нам помогать. Ведь никуда он от нас не ушел.

Уроки рассудительности

Как-то раз я приехала к Батюшке зимой. Как уже писала выше, в Ташкенте зимы практически не бывает. Я всю зиму (целых две-три холодные недели!) ходила в плаще. Но когда ехала в Россию, то уж одевалась по-настоящему, было у меня такое скромное пальтишко с норковым воротником. И вот пришла я к батюшке, а там стоит девушка, моя тезка, такая тоненькая, высокая и одета в длинную дубленку. На меня напало искушение: я стала ей завидовать. У меня пошли помыслы: у всех есть дубленка, а у меня нет. Я, конечно, пыталась себя урезонить, что дубленка мне совершенно ни к чему, ведь мы в Ташкенте, бывало, на Рождество ходили в босоножках и платьях, когда и где же ее тогда носить, эту дубленку? Но тут меня вдруг заела такая постыднейшая меркантильность, я ничего не могла с собой поделать, стояла и потихоньку завидовала.

Мы с этой девушкой знали друг друга и стояли рядом. Батюшка подошел и стал с ней

разговаривать. После решения каких-то вопросов старец сказал: «Какая же ты худенькая! Тебе, наверное, все время холодно? И дубленка, наверное, не согревает?» Девушка подтвердила, что да, ей действительно все время холодно, даже в дубленке. А Батюшка вдруг, показывая на меня, говорит: «А вот Татьяна ведь завидует твоей дубленке!» Я так и рот открыла от удивления и неожиданности, но не отказалась, подтвердила: «Да, батюшка, завидую! Простите меня!» Старец тогда говорит: «А вы знаете, что сделайте? Поменяйтесь-ка на сутки своими одеждами и так походите! Дай ей дубленку поносить!»

Мы вышли и тут же переоделись. Это было зрелище еще то! На той Татьяне мое пальто висело как на вешалке, совершенно нигде не прилегая, а на мне ее дубленка еле сошлась. Меня как будто в панцирь заковали, стало ужасно жарко, тесно, неудобно. Да к тому же эта дубленка была намного длиннее моего пальто, она мне была почти до пола, идти было тяжело: толстые увесистые полы путались, били по ногам, мешали при ходьбе. Руки с пальцами утонули в длинных рукавах, да еще со мной произошло то, чего Татьяна и не замечала за своей дубленкой, а именно — стал краситься мех. Руки почернели от этой краски.

Но зато все стало на свои места. Я сразу же поняла, что дубленку никогда себе не куплю, не хочу в ней ходить, и что все это было просто

искушением, самым что ни на есть глупым и примитивным, а я поддалась! Мы весело оттерпели один день в одетых за послушание одеждах, даже Литургию так стояли в Трапезном храме. Батюшка нас видел и похвалил потом за послушание.

В очередной свой приезд из Ташкента я счастливо попала на батюшкину служащую седмицу²⁴. Ходила каждый день на раннюю литургию, причащалась у батюшки, а после литургии шла в приемную и сидела там, в сущности, просто так — смотрела, слушала, внимала радостно. Насколько я помню, это дело происходило зимой. У меня не было в это время отпуска, а, видимо, свободная (до субботы) седмица.

Причастившись, явилась я к батюшке в приемную, разместилась поудобнее. Настроение было очень хорошее. Жизнь прекрасна! Было мне тогда двадцать с небольшим. Рядом со мной сидела молодая женщина примерно моего возраста, может быть, чуть-чуть старше. Весь ее облик выдавал человека невоцерковленного. Выщипанные брови, взъерошенная челка, следы наскоро стертой косметики. Я тогда большое значение придавала благочестию внешнему: носила платочек, гладко причесывалась. С собой была довольна. И еще — страдала шпиономанией. Сама себе казалась умной и проницательной, а в окружающих искала что-то подозрительное, и такое, чтобы это открыла и изобличила именно я.

И вот сидит со мной рядом эта женщина, и видно, что она чем-то очень взволнована. Сейчас бы мне ее жалко стало, а тогда, видимо, не было готовности к сочувствию, только одни романтические бредни в голове. Я смотрела на эту женщину свысока. Как же, я тут своя, всё знаю, меня все знают, веду себя правильно, вообще вся положительная. А эта, такая ничего не понимающая, совершенно случайная! Она меня стала раздражать своим беспокойством, своей возней. А ей поделиться с кем-то требуется. Я сижу рядом, вот она и стала пытаться со мной заговорить. А я ведь обычно суперобщительная, но тут на меня нашло ложное благочестие! Отвечаю нехотя, односложно. Думаю: «Чего это она меня от молитвы отвлекает?!»

Как часто мы путаем, где добродетель, а где грех! И одно принимаем за другое. Вот и в этот раз я получила очень запомнившийся урок.

Она очень спешила, волновалась, что куда-то опоздает, что вдруг ее батюшка не примет. Я-то прекрасно знала, что если батюшка кого-то не хочет по-настоящему принимать, то очень быстро отправляет под каким-нибудь благовидным предлогом. А если человеку нужно настоящее духовное окормление, то батюшка не торопится и принимает, но не сразу. Много раз наблюдала, что он молится за каждого человека прежде, чем его принять. И чем человек больше

подает надежд, чем более он склонен к делу спасения, тем дольше батюшка его держит подольше. А эта женщина? Мне она показалась случайно зашедшей, ничего не смыслящей, посторонней. Но почему-то батюшка не спешил ее выпроводить, хоть и видел ее прекрасно.

Женщина спрашивает у меня: «А вдруг он сейчас уйдет?» Я говорю: «Да куда же он уйдет? Он же только что пришел после литургии». А она говорит: «А вдруг он будет обедню служить?» Я высокомерно усмехнулась: надо же такие простые вещи не понимает! Литургия и обедня — это же одно и то же, и две литургии в день священник не может служить. А она говорит: «Ведь все же здесь грехи хотят исповедовать, а у меня совсем другое, мне некогда. У меня дети болеют». А я, грешница, даже эти слова приняла с осуждением. Думаю, надо же, не понимает, что как раз-то и надо грехи исповедовать, а у нее только житейское на уме. А она все толкует про какую-то операцию, я так и не вникла тогда, по душевной своей слепоте, какую... Она меня спросила, откуда я. Конечно же, воображая себя великим конспиратором, я сказала, что из Александрова. Думала, ведь бабушка у меня в Александрове, это почти правда. А она говорит: «А здесь есть люди издалека, даже из Белоруссии». Я ухмыльнулась. Ведь на самом деле я жила тогда гораздо дальше Белоруссии.

Сейчас, вспоминая этот случай, я ужасаюсь, сколько в жизни мы делаем греха мимоходом, не задумываясь и не замечая. Почему надо было сразу после Причастия, находясь в святом месте, не всю себя отдать на службу Богу и людям ради Бога? Почему надо было воображать себя более достойной, чем рядом сидящий человек? Почему я даже не поинтересовалась ее проблемой, ее болью?

А батюшка меня удивил. Он тогда еще молодой был, подвижный. Он много раз приближался к нам, подходил то к одному, то к другому. И она, эта женщина, каждый раз делала попытку протиснуться к нему, даже какую-то записку в руки ему дала. А он глянул бегло и обратно ей вернул, сказал: «Подожди, еще есть время». Так обычно вел он себя с теми, с кем собирался заняться надолго и обстоятельно. Мне это показалось странным.

А женщина говорит вдруг: «Знаешь, а Бог все-таки есть на свете». Думаю: «Ну, здравствуйте! Приехали! Пришла к старцу и вдруг додумалась наконец-то до такой мысли, что Бог-то все-таки есть!!!» Говорю насмешливо: «Как же ты до такого вывода додумалась?» А она, в таком душевном волнении находясь, даже не почувствовала моего сарказма, стала мне рассказывать свою нехитрую историю, как она купила полную металлическую сетку яиц (а тогда было очень

плохо с продуктами), потом зашла с этими яйцами в большой магазин. Там на контроле стояла ее знакомая продавщица. Она поставила яйца в открытую ячейку, какие бывают у входа в магазин (во всяком случае, раньше были). Попросила эту продавщицу приглядеть. А когда вышла из отдела, яиц не было. Она спросила у подруги, где сетка с яйцами. Подруга спохватилась: «Ах, прости, я чем-то отвлеклась и забыла, что это была твоя сетка. А тут какая-то девка кудлатая взяла яйца и ушла с ними». Эта бедная женщина вышла на улицу. Стала спрашивать у людей, не видали ли кудлатую девку? Говорят, что пошла к переезду. Она побежала к переезду, увидела кудлатую девку и забрала у нее свои яйца, хотя та уже переложила их из сетки в свою сумку. Вот, мол, какое чудо — вернула свои яйца. Бог помог!

Мне эта история показалась странной и неправдоподобной. Ведь это не в деревне где-нибудь. Да в Сергиевом Посаде на улицах почти так же оживленно, как в Москве. Что это за примета такая — девка кудлатая? Странно, что по такому признаку она сумела найти и догнать человека. Но как еще у нее можно было отнять свои яйца, если та даже переложила их в свою сумочку и сетку убрала? Ведь эта воровка могла же от всего отказаться и не дать проверять свою поклажу.

Я и сказала рассказчице о своих сомнениях, говорю: «А как же это она тебе вдруг сумку

свою показала?» Она так спокойно объясняет: «А я ей свое удостоверение предъявила, что я следователь». Ну все! Тут-то я, думаю, и разоблачила тебя! Вот оно что — следователь! Значит, она пришла сюда шпионить и проболталась наконец. Думаю, надо батюшку предупредить. Чего он с ней носитесь?! И так меня стал этот помысл мучить, что мне известна важная информация, которую я якобы должна сообщить батюшке, чтобы предупредить его об опасности.

Конечно, это была несусветная глупость с моей стороны. Неужели можно человека обвинять только в том, что он по специальности юрист? Какой в этом грех? И каких только родов занятий люди не приходят к старцам, начиная с правителей и кончая самым малым работягой или даже не работягой, а люмпеном, каким угодно человеком. Никому не запрещено прибегать к благодатной помощи и заступлению.

Но меня так понесло! Я не могла больше спокойно сидеть, все время порывалась как-то предупредить батюшку, что среди нас находится шпионка и что ее надо бы удалить. Стыдно даже сейчас вспоминать об этом. Но вот вдруг зазвонили к поздней литургии. Батюшка вышел так стремительно и говорит: «Давайте, кто будет на поздней причащаться, подходите с исповедью скорее, а то опоздаете». Было несколько причастников. Среди них находился один молодой человек

На Светлой седмице в Лавре

по имени Ананий. Он стал перед батюшкой на колени и протянул ему листочек с исповедью. Батюшка вдруг начал говорить Анании, какое у него редкое имя. И стал спрашивать у окружающих, помним ли мы, что написано в Новом Завете про Ананию? Все почему-то заговорили о трех отроках. Но батюшка повторил: «В Новом Завете, не в Ветхом!» На всех напал какой-то ступор, никто ничего не вспомнил. Батюшка такой был веселый, ко мне повернулся, спрашивает: «Ну что, не помнишь? — Я только плечами пожала. Батюшка тогда говорит: — Ну ладно! Я вам сам все расскажу. Вот слушайте! Был один такой гонитель христиан по имени Савл...» Все сразу же заулыбались, вспомнили, наверное. Но к чему дело ведется, все равно сначала было не понятно.

А батюшка продолжает: «Когда он шел по дороге из Иерусалима в Дамаск, ему явился Христос. Савл ослеп, но зато уверовал раз и навсегда, на всю жизнь. В это время в Дамаске жил некий Анания, который уже знал о том, что к ним в город направляется жестокий гонитель Савл для того, чтобы выявить всех христиан и их уничтожить. Но Господь сказал ему: “Анания! Сейчас тебе приведут человека по имени Савл. Он слеп. Ты исцели его и введи в общество верных”. А Анания, как маленький ребенок в простоте своей, Господу говорит: “Господи, Ты же не знаешь,

я Тебе такой секрет сейчас открою. Это очень плохой человек. Он шпион. Он пришел сюда, чтобы нас хватать и убивать. Не надо его исцелять и крестить!»»

Батюшка, все это рассказывая, очень по-доброму улыбался и заключил потом: «Вы посмотрите, какая наивность! Он Господу подсказывает! Но Господь не обиделся на него. Он сказал ему: “Не бойся, Анания! Это Мой избранный сосуд. Он просветит многие народы и много пострадает за Имя Мое”» (см.: Деян. 9, гл. 9).

Я, выслушав слова батюшки, поняла, что это все для меня говорилось, потому что я умничала перед Богом, хотела показать себя какой-то особо бдительной. Но наша бдительность должна состоять не в том, чтобы о людях плохо думать, а чтобы следить за своим состоянием души. Мне было очень стыдно, я поклонилась батюшке в знак того, что все поняла и каюсь.

*Блажени есте,
егда поносят вам...*

(Мф. 5, 12)

Батюшка спросил меня однажды: «Какая последняя заповедь блаженства?» Я, не задумываясь, ответила: *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5, 12). На это батюшка возразил: «А прежде чем радоваться и веселиться, что надо? Какая заповедь перед *радуйтесь?*» И тогда я почувствовала, что речь идет о чем-то очень серьезном, потому что последняя заповедь перед *радуйтесь*: *Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради* (Мф. 5, 12), то есть «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Этими словами батюшка и предупредил заранее, что, прежде чем радоваться и веселиться, придется много потерпеть несправедливости.

Обосновавшись в Ташкенте, я поняла со всей очевидностью, что не просто так мне было предна-

значено жить именно с матерью Серафимой. На тот момент она, как никто другой, нуждалась в помощи и поддержке. Ведь она не была коренной жительницей Узбекистана, по благословению старца приехала в Ташкент только на полгода раньше меня.

Мать Серафима по профессии провизор. Родилась она в городе Краснокамске Пермской области в 1937 году. Ее матери на момент рождения дочери было сорок восемь лет, она имела четверых сыновей, самому младшему из которых было пятнадцать, и даже двух внуков. Отец, примерный семьянин, вскоре после рождения ребенка пропал без вести (такие были времена). Мама матери Серафимы — Анна — за все свои труды по воспитанию дочери (фактически в одиночку) была вознаграждена, во-первых, долголетием, во-вторых, практически невредимыми сыновьями и, что самое главное, сохранившей себя в чистоте дочерью — монахиней, которая была с матерью до последнего вздоха, а также принятием монашества ею самой.

Незадолго до своей кончины (в 1983 году) Анна Ежкова по благословению старца была пострижена с именем Стефанида. Постригал мать Стефаниду тогда еще совсем юный иеромонах Борис (Храмцов), дивной жизни пастырь. К маминому постригу мать Серафима готовилась втайне заранее. Шила сама все потихонечку. Мама была уже старенькая, но очень бдительная. Както, вернувшись с работы, Александра, к своему

удивлению, увидела, что у мамы гость, молодой (совсем юноша) священник. Когда Александра вошла в квартиру, он играл что-то на пианино. Александра была удивлена. Ведь мама не пускала домой кого попало, а тут как-то доверилась и расположилась к незнакомому человеку. А это как раз и был отец Борис, приехавший по благословению старца для совершения пострига. Отец Борис привез от батюшки в качестве удостоверительной грамоты кусочек письма, писанного Александрой батюшке. Чтобы текст было невозможно прочитать, батюшка вырезал из письма продольную полоску. Автор этого письма узнала в нем свое послание, а тот, кто привез этот клочок бумаги, понять ничего не мог. Так они познакомились – по оригинальному «входному билету». В дальнейшем их пути еще неоднократно пересекались. Сама мать Серафима по благословению батюшки приняла монашество гораздо раньше своей мамы, в 1968 году. Пострижение совершил в Перми архиепископ Иоасаф (Овсянников).

Рассказывали случай о владыке, как он однажды ехал в поезде и вез с собой икону Пресвятой Богородицы. Икону он сначала положил под сиденье и лег на эту полку. Но ему явилась Матерь Божия и укорила в том, что он поступил неблагоговейно. Тогда владыка в ужасе вскочил, вынул икону, поставил ее, как мог, наиболее почтительно и весь оставшийся путь провел в молитве.

Вместе с Александрой Ежковой были пострижены ее подруги. Им дали имена: Серафима, Сергия и Иоасафа. Это были одни из самых-самых первых чад батюшки.

Сергия (в миру Виктория Докучаева) была ближайшая подруга Серафимы, такая — просто не разлей вода! В дальнейшем монахиня Сергия была секретарем-делопроизводителем в Таллине у митрополита Алексия (Ридигера) — будущего Патриарха Алексия II. Мать Серафима рассказывала, как она однажды навещала свою подругу в Таллине. Это типичное проявление характера матери Серафимы. Она подошла к подъезду дома, где жила мать Сергия, и увидела, что та выходит из подъезда и идет в другую сторону. Можно было ее окликнуть, но мать Серафима и не подумала суетиться. Она рассудила, что Вика все равно же вернется, так что лучше подождать. Она зашла в подъезд (тогда все было в свободном доступе), достала из сумочки Псалтирь и стала спокойненько читать. Прочитала, таким образом, до утра всю Псалтирь полностью. А утром пошла в епархию и уже там нашла свою подругу, которая заночевала где-то у знакомых. Конечно, Виктория была очень смущена и просила прощения, что так получилось. Но ведь она же не знала, что ее стоическая подруга сидит в подъезде с Псалтирью.

Потом они почти одновременно получили благословения: Виктория в Рижский монастырь,

а Александра — в Ташкент. Монахиня Сергия прожила в Риге очень недолго. Исполняла послушание алтарницы. Но буквально в первые месяцы у нее обнаружилось онкологическое заболевание крови. Ее усиленно лечили, но она быстро сгорела. Похоронена в Рижской Спасо-Преображенской пустыньке. Умиравшая, из больницы она писала письма в Ташкент своей Шурочке, по духовной силе и убедительности несравненно превосходящие «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика (по юности я проводила такие параллели). Она описывала подробно свое приближение к смертной черте, с большой верой и упованием на Бога.

На момент моего приезда в Ташкент в 1984 году Александра Андреевна как раз только-только потеряла одного за другим очень дорогих ей людей: маму, владыку Иоасафа и Викторю (монахиню Сергию). Особенно тоскливо было из-за Вики. Александра уже жила тогда в Ташкенте, в новой, чужой для себя обстановке. А тут эта внезапная Викина болезнь. И вот Виктория умирает. Даже на похороны Александре не было возможности приехать, она просто не знала, где и когда будут хоронить подругу. Очень болезненно все это пережила. И вот вдруг появляюсь я, 22-летняя, такая буйная!

При всем безупречном послушании своим духовным руководителям мать Серафима не была готова к совместной жизни с кем-то

посторонним, тем более с таким человеком, как я. Во-первых, я моложе ее на двадцать пять лет, во-вторых, она мне все время говорила: «Ты как наш Леня (брат),²⁵ табунщица, тебе бы только полки в бой водить!»

А она сама любила тихий уют, сосредоточенную уединенную жизнь. И тут вдруг такое ей на голову! Однако со временем она оценила обстановку и благодарила Бога и нашего духовного отца, потому что у нее начался очень сложный период жизни, тут я и пригодилась. Это было самое настоящее испытание и для нее, и для меня. Существует духовный закон: если по каким-то причинам человек уклоняется от данного благословения, то в большинстве случаев ему все равно придется вернуться к этому же делу, только с бóльшими приключениями (совсем не приятных свойств). И в нашем случае все произошло хрестоматийно-показательно. Детально все описывать невозможно, чтобы не разгласить чужие тайны, никого не опорочить и не ввести в соблазн. Опишу как получится.

Изначально мать Серафима имела благословение на работу в Александро-Невском храме города Ташкента, что на Боткинском кладбище, там же, куда батюшка благословил и меня. Там она стала работать на просфорне вместе с Марией Тычиной. Поработали они вместе совсем не долго: не сработались. Мать Серафима очень

быстро нашла себе новую работу, на первый взгляд очень хорошую, благородную, почетную. Когда я приехала, мать Серафима уже работала не в храме на Боткина, а в другом месте.

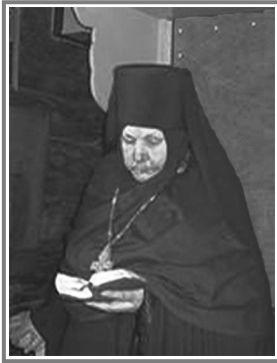
Сначала вроде было все хорошо. Но уже с первых дней Александра Андреевна почувствовала, что на новом месте грядут очень большие искушения, несравненно большие, чем нелады с Марией Тычиной. Так и получилось. Все время работы там — это испытание на нравственную стойкость. И уйти — не уйдешь. Сначала очень большой почет, который сам по себе уже вызывал тревогу и накладывал огромную ответственность. Потом произошла резкая перемена отношения к ней начальства, и она из любимицы превратилась в опальную. Ей сначала очень доверяли, и у нее был ключ от таких дверей, куда никто не заходил. И вот вдруг один раз она пришла с работы чрезвычайно взволнованная и сказала, что ее обвинили в воровстве. Якобы она украла деньги из стола в кабинете, от которого только у нее (кроме первого лица) был ключ.

Меня это искушение страшно испугало, думала: ведь еще и посадят ни в чем не повинного человека. Я сразу же на самолет и полетела к батюшке. Ночь в самолете, а рано утром была в Лавре. Пришла к старцу, когда он выходил на службу. Я стала сбивчиво объяснять, что Александру обвиняют в воровстве, а она же такого не делала. Батюшка

ничего не понял, но сказал, что ему сейчас надо идти служить литургию и чтобы я тоже шла, а там помолимся, Господь и укажет, как нам быть.

А на следующий день я снова пришла к батюшке, и он мне сам уже стал об этом говорить. Он сказал: «Знаешь, а там ведь никаких денег, скорее всего, и не было. Это они нарочно придумывают, чтобы избавиться от нее». Я тогда спрашиваю: «Ей, наверное, лучше уйти сейчас оттуда?» Но батюшка сказал, что самой уходить не нужно, теперь уже следует дотерпеть до конца, пока сами не выгонят. Я еще такая глупая была, говорю: «А не посадят?» Батюшка отвечает: «Да нет, что ты! За что сажать? Это же не так просто всё, им достаточно того, что они плохой слух пустили».

И вот я приехала обратно в Ташкент, и стали мы жить в тягостном ожидании. Каждый раз, когда она приходила с работы (обычно сразу в храм), я ее спрашивала: «Ну как? Не выгнали тебя еще?» Она так спокойно отвечала: «Да нет, не выгнали пока!» Ну ладно, слава Богу, дальше живем! А потом как-то она пришла с работы, и я задала свой традиционный вопрос и получила ответ: «Выгнали!» Я говорю: «Что, правда?!» — «Да». — «Ну и слава Богу, хоть ясность какая-то будет». Но тут сразу же стало видно, кто как к нам относился, где настоящие друзья, а где так себе! Ведь представить только себе, человека

Игуменя Серафима
(Ежкова)

выгнали с такой должности, это не так просто! Люди реагировали очень по-разному. Но мы как-то быстро выправились. Правда, месяца два с половиной она совсем не работала, жили на одну мою зарплату, очень скромно, но зато каждый день ходили вместе в храм, молились, было хорошо и спокойно.

Вскоре у нас в храме возникла потребность переоборудования просфорни. И староста стал уговаривать Александру Андреевну взять эту миссию на себя: организовать и возглавить выпечку просфор. А мы сначала уперлись, не хотели, казалось, что мы и так неплохо живем, пусть она лучше работает не на церковной работе. Но когда спросили об этом у батюшки, он нам сказал, что надо помочь в церковном деле. Это очень хорошее дело — печь просфоры. Мы стали говорить всякие глупости, что там зарплата маленькая, а работы много. А батюшка сказал, что «компенсацию» нам Сам Господь заплатит. И мы согласились.

Таким образом, Александра Андреевна (мать Серафима) вернулась на то послушание, с которого сначала убежала. И потом много раз удивлялись, как часто мы сами противимся тому,

что хорошо и полезно для нас, а стремимся туда, где нас ничего хорошего не ждет, только одни неприятности.

Нам предстояло освоить просфорное дело. По благословию батюшки мы учились печь просфоры в Лавре у ныне покойного архимандрита Кронида (который в дальнейшем был архиереем Днепропетровским). Сначала у нас получалось все плохо. Но потом мы «набрали высоту», все оборудовали под себя, сделали замечательную просфорню. И жили как в сказке. Во-первых, сама просфорня — сказочный уголок: маленький дворик, деревья с замечательными плодами, в Ташкенте это чрезвычайно ценно. Зелень, прохлада, фрукты свои, очень близко от храма. Нам действительно, по батюшкиному слову Господь компенсировал все, о чем мы даже и не мечтали. Я пекла с Александрой Андреевной на равных, когда была свободна от службы. Так и жили: я — до своего, она — до своего монастыря.

Игуменья Серафима (Ежкова) скончалась в 2017 году 26 февраля, в Прощеное воскресенье. Была игуменией Свято-Лазаревского женского монастыря в Пермском крае. Насколько я знаю, и в своем монастыре мать Серафима сама всегда пекла просфоры.

Содержание

Предисловие	5
Воин Христов	8
Студенческие годы	13
Послушник Лавры Преподобного	16
Пастырь и круг его духовного общения.....	22
Первые чада пастыря	34
Схимонахиня Сергия (Байбородина).....	44
О чадородии	47
Старец об Интернете	51
О побуждениях, приводящих в монастырь.....	55
Как Господь привел меня к старцу.....	59
Эстония. Кохтла-Ярве.....	68
Испытание и воспитание.....	78
Из Прибалтики в Азию.....	84
Весь мир — Господня земля.....	89
Ташкентский храм Александра Невского	96
Первая поездка из Ташкента в Лавру	108
Счастливые люди.....	113
Каждое слово старца имело значение	129
Уроки рассудительности	133
<i>Блажени есте, егда поносят вам...</i> (Мф. 5, 12).....	144
Духовная сотрудница батюшкина — Любушка.....	154
Обыкновенные чудеса нашей жизни	163
Сусанинские встречи.....	171
Бог поругаем не бывает. Маленькие чудеса.....	186
Не будь духом твоим поспешен на гнев... ..	188
<i>Внегда потреблятися грешником, узриши</i> (Пс. 36, 34).....	194

<i>Бог гордым противится, а смиренным дает благодать</i> (1 Пет. 5, 5).....	197
Игумен Борис (Храмцов) — вернейшее чадо батюшки.....	206
Ташкентские трудницы Христовы.....	215
Уроки, преподанные Преподобным.....	223
Азиатские святыни. Пророк Даниил	228
В горах.....	239
<i>Не судите, да не судимы будете!</i> (Мф. 7, 1).....	241
Почтение старца к иерархичности.....	246
О болезнях и исцелении	249
Эти разные, разные души.....	263
Выбор своего пути к Богу	269
О помыслах	278
<i>Се что добро, или что красно...</i> (Пс. 132, 1).....	281
Годы девяностые	283
Приведутся в веселии и радовании, введутся в храм Царев	289
Первая поездка из монастыря	293
Великая победа!	296
Хлеба к обеду в меру	300
Люта зима, но сладок рай	303
Неожиданная новая профессия	306
Поле деятельности. <i>Жатвы много...</i> (Мф. 9, 37)	311
Учиться благочестию	314
«Рождественский подарок»	316
Золотые червонцы	322
<i>Приидите, благословеннии...</i> (Мф. 25, 34)	328
Эпилог.....	330
Примечания	331